

12 ЯНВ 1974

БОЛЬШОЕ МАСТЕРСТВО МАЛЕНЬКИХ РОЛЕЙ

КАК И ВО ВСЯКОЙ иной профессии, судьбы актеров складываются по-разному. Театральный путь одних проходит по ролям крупным, ведущим. На них, как принято считать, держится репертуар. Творческая доля других куда скромнее, их удел — так называемые «вторые роли». Иногда остро характерные, чаще введенные драматургом для развития сюжета. И попадает артист в исполнители «вторых ролей» вовсе не потому, что он лишен таланта или не постиг тайны профессионального мастерства. В большинстве случаев такова жанровая доминанта его драматического призвания.

Сценическая жизнь небольших ролей — считанные минуты, и актер, — разумеется, если он настоящий актер, — должен прожить их так, чтобы создать законченный образ, точно и органично встроенный в общую структуру спектакля. Именно об этом мудро сказано: нет маленьких ролей, есть маленькие актеры.

В свое время мне посчастливилось видеть великого Михаила Тарханова в роли Фирса из «Вишневого сада». В том мхатовском спектакле играли Книппер-Чехова и Качалов, но вместе с ними в памяти навсегда остался образ согбенного, рабски преданного своим господам, старого Фирса — Тарханова. И до сих пор звучит в ушах его последняя, потрясавшая зрительный зал трагически-покорная реплика: «Уехали... Про меня забыли...»

Да простит меня читатель за столь пространное вступление, но оно имеет прямое отношение к творчеству актера, о котором я хочу рассказать.

Пятнадцать лет работает в Калининском драматическом театре артист Петр Иванович

Ларюшин. И все эти годы — на таких вот «вторых ролях» бытового или характерного плана. Только на калининской сцене их сыграно более восьмидесяти, а за тридцать пять лет работы в театрах страны — около двухсот. Но дело не в количестве исполненных ролей. Главное в творчестве Ларюшина — это завершенность создаваемого образа, ясное понимание места данного персонажа в авторской идее пьесы и режиссерском замысле спектакля.

В этой связи стоит вспомнить хотя бы ларюшинского профессора Устрялова в «Шагах командора», с его кричащим о себе чиновничьим самодовольством, тупым верноподданничеством и бессстыжей продажностью. Ларюшин нашел здесь самое существенное, определяющее и выразил точно найденным опосредом: вкрадчивый голосок завязатого красноба при холодно-зловонном взгляде беспощадного хищника.

Удивительная по своей яркости работа была сделана актером в небольшом проходном эпизоде телесъемки в спектакле «Физики и лирики». Ларюшин играл оператора телехроники. Роль была настолько крохотной, что она даже не попала в программку. Убеден: тот, кто видел Ларюшина в «Физиках и лириках», надолго запомнил нагло бесцеремонного толстяка-оператора, орудующего телекамерой, как дубинкой. И его хамскую фразу в адрес молодого ученого, который по своему настроению не вписывался в «организованный» кадр: «А мы его уберем!»... В одной-единственной фразе, в одном отсекающем жесте руки актер показал всю внутреннюю сущность человека, которого на пущенный выстрел нельзя допускать к важнейшему делу массовой информации. Вот это и есть ем-

кое мастерство лепки сценического образа на самом скудном драматургическом материале.

В творческой судьбе Ларюшина есть еще одна примечательная особенность. Большинство сыгранных им персонажей — типы отрицательные, симпатий не вызывающие. На сцене защищать что-либо или кого-либо всегда душевно проще, несравненно желательнее, нежели обнажать зло, выступать против него в его же обличьи. Потому что актер, конечно же, не идентичен своему отрицательному герою, а должен играть его, плохого человека. Как и всякой нормальной личности, актеру отвратительно персонифицированное зло, но волей-неволей приходится влезать в его неприглядную шкуру. И так влезать, чтобы возбудить в зрительном зале желательную реакцию, создать нужный нравственный микроклимат. Это не только трудно, хорошему человеку просто психологически противопоказано. Но... необходимо! Таковы неизбежные издержки профессии. И потому, наверное, с очевидным чувством внутреннего очищения, с облегчающей душу страстностью играет Ларюшин те немногие положительные роли, какие ему выпадают. Не случайно с такой благоговейной любовью создан им в «Царе Федоре Иоанновиче» Богдан Курюков, старый московский гость, с сердцем мужественным и верным.

Если справедливо считать, что репертуар вносят на себе исполнители главных ролей, то не менее бесспорно, что актерский ансамбль любого спектакля немислим без Ларюшинных, подлинных мастеров длинной вереницы маленьких ролей.

Я. ЗВЯГИН.